

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

А.В. Ганин

МИХАИЛ АНТОНОВИЧ ДОРМАН: ГЕНЕРАЛ И ЕГО «ДЕЛО»*

Один из показательных примеров репрессивной политики большевиков в отношении офицеров русской армии в 1918 г. – раскрытие в Смоленске «контрреволюционной организации», возглавляемой генералом М.А. Дорманом. Материалы сохранившегося архивно-следственного дела раскрывают методы работы ЧК первых месяцев красного террора.

Советские историки и публицисты описывали «дело Дормана» как блестяще раскрытый чекистами Западной области (с сентября 1918 г. – Западная коммуна) заговор «смоленского филиала» («западного отделения») монархического союза «Наша Родина». Этот союз, созданный на немецкие деньги в августе 1918 г. в Киеве, ставил своей целью свержение Советской власти и восстановление монархии. Главными пунктами вербовки и сбора добровольцев стали Харьков, Полтава, Екатеринослав, Могилев. «Смоленский филиал» будто бы занимался вербовкой и отправкой добровольцев из западных губерний в Южную армию, формировавшуюся в Киеве¹.

По утверждению советских авторов, руководителем его был генерал Дорман, якобы «познавший милости царского двора»². Утверждалось также, что Дорман и его агенты признались в вербовке офицеров в Смоленской и Витебской губерниях. Иные авторы к этому добавляли связь организации с германской миссией майора В. Шуберта в Москве³.

Эти описания должны были создать у советского читателя впечатление о «смоленском филиале» «Нашей Родины» как о мощной антибольшевистской подпольной организации, умело и своевременно ликвидированной бдительными чекистами. Их, кстати, некритически восприняли отдельные современные исследователи, склонные преувеличивать размах антибольшевистского сопротивления в Советской России⁴.

Истинная же картина событий далека от легенды, сотворенной ведомственной историографией и мастерами советского агитпропа.

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

Материалы «дела Дормана» уже были компетентно и объективно освещены бывшим сотрудником УФСБ по Смоленской области Н. Илькевичем в 1993 г.⁵ Однако необходимо взглянуть на те события шире: в контексте репрессивной политики большевиков в отношении генштабистов в период Гражданской войны, очищая при этом реальные события от искажений и домыслов советских времен, по-новому анализируя как уже опубликованные, так и вновь найденные документы.

* * *

Михаил Антонович Дорман – боевой генерал Первой мировой войны. Последняя его должность – командир XXI армейского корпуса. 24 января 1918 г. в этой должности его утвердил армейский комитет, и с 27 января он приступил к исполнению своих обязанностей⁶.

В конце февраля по приказу начальника штаба 1-й армии бывшего Генштаба генерал-майора Н.В. Пневского корпус должен был сосредоточиться в районе станций Дно и Вязье, причем требовалось не допускать бегства солдат в тыл⁷. Части корпуса предполагалось использовать для отражения немецкого наступления. Однако долго командовать корпусом Дорману не пришлось: уже началась демобилизация армии. Жалованье при демобилизации ему было выплачено по 1 апреля исходя из его годового оклада в 8 400 руб. и 2 940 руб. добавочных в год. Кроме того, он получил двухмесячное пособие исходя из месячного оклада в 940 руб.⁸

Перед демобилизацией 49-летний Дорман 16 февраля был освидетельствован медицинской комиссией при 2-м лазарете 33-й пехотной дивизии. Согласно заключению врачей, он обладал средним ростом и питался удовлетворительно. Его мучила опухоль левого бедра – результат травмы на маневрах 1909 г., когда он получил ушиб лукой седла из-за прыжка испугавшейся залпа лошади. Из-за этого он с трудом сидел и передвигался, не мог ездить верхом, вынужден был при ходьбе опираться на палку. На фронте, в 1916–1917 гг., он дважды перенес воспаление левого легкого, и при освидетельствовании врачи обнаружили сухой плеврит. С 1917 г. он страдал геморроем и диареей вследствие хронического катара кишок. В итоге медицинской комиссией Дорман был признан негодным к службе и даже нуждающимся в уходе⁹.

Тем не менее семь месяцев спустя Дорман попытался вступить в Красную армию: 16 августа по месту жительства в Смоленске он подал прошение о поступлении на военную службу в резерв чинов на должность начальника дивизии. На следующий день оно было рассмотрено на заседании Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны в составе военного руководителя бывшего Геншта-

ба полковника С.С. Каменева и военного комиссара В.С. Селезнева. 20 августа начальник штаба Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района бывший Генштаба подполковник А.Н. де Лазари сообщал Дорману принятое ими решение: «Признавая полную желательность принять гр. Дормана на службу, Военный Совет все же отказывается в принятии гр. Дормана на службу в виду его болезненного состояния»¹⁰.

* * *

После покушения на В.И. Ленина ВЦИК 2 сентября 1918 г. объявил «массовый красный террор против буржуазии и ее агентов». В тот же день был издан приказ ВЧК «арестовать, как заложников, крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных Советской власти офицеров» и «при всякой попытке» их «организоваться, поднять восстание» – «немедленно расстреливать»¹¹.

По Смоленску прокатилась волна арестов и расстрелов.

3 сентября расстреляли членов общества «Защита Временного правительства»¹². На следующий день – группу помещиков.

В ночь на 6 сентября в городе были взяты 13 заложников из буржуазии и офицерства. Под стражей оказались Николай Феликсович Реут, Николай Митрофанович Энгельгардт, Юлиан Мацкевич, братья Владимир и Вадим Николаевичи Возненко, Борис Урядов, Наум Владимирович Шварц, Станислав Иосифович Жданович, Яцевич, Павел Васильевич Михайлов, Евгений Николаевич Кордо-Сысоев и генерал Дорман с сыном Владимиром. 9-го был арестован Александр Николаевич Захаров. 10-го – Виктор Александрович Фен-Раевский.

В заложниках оказались самые разные люди.

Энгельгардт с июля 1918 г. служил в штабе Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны, выполняя мелкие поручения начальства. Захаров состоял в должности фельдгегера штаба Западного фронта, а позднее – помощника коменданта штаба Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны (советские авторы объявили его бывшим офицером Генерального штаба, желая, вероятно, подчеркнуть его заведомую контрреволюционность и «производя» его в чин то поручика, то штабс-капитана¹³). Реут служил рядовым на автоскладе. Шварц владел банкирской конторой. Жданович был присяжным поверенным. Владимир Возненко – временным служащим смоленской лечебницы № 1 имени Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области. Яцевич прежде заведо-

вал 1-м кирпичным заводом Западной области. Михайлов учительствовал в мужской гимназии. Кордо-Сысоев состоял агентом Службы движения Московско-Брестской железной дороги, проходящей через Смоленск.

Первоначально, при взятии заложников, ни о какой «контрреволюционной организации» речь не шла. По мнению Илькевича, имевшего служебную возможность ознакомиться со всеми сохранившимися делами арестованных «дорманцев» (так смоленские чекисты поименовали проходивших по «делу Дормана»), с большинством арестованных бывший генерал Дорман не был даже знаком¹⁴.

С годами история «заговора» обростала в публикациях советских авторов все новыми «подробностями». К фигурантам дела добавлялись арестованные по другим делам, их биографии искажались. Сегодня уже трудно отделить то, что было выдумано непосредственно при «раскрытии заговора», от позднейших домыслов.

Советские авторы назвали и других оказавшихся под арестом по этому делу. Арвед Лукстин (арестован 23 августа 1918 г.) будто бы помог организации деньгами в сумме 57 000 руб. Михаил Кац, бывший офицер, якобы занимался доставкой оружия в имение Энгельгардта. Стефан Иосифович Антоневиц – сотрудник совнархоза облисполкома Западной области (арестован 6 сентября, в советских работах – «адъютант военрука западной Завесы, бывший полковник»). Филипп Дюна (Дюн) – смоленский милиционер, «посыльный контрреволюционного штаба» и агент в советских органах власти. Бывший поручик Георгий Лятковский (арестован 7 сентября) – связной штаба и районных начальников. Борис Урядов – бывший штабс-капитан, будто бы направленный командованием Чехословацкого корпуса и Колчаком на подпольную работу. В июле 1918 г. Урядов якобы ехал к Дорману в Смоленск из Архангельска с шифровками, спрятанными в буханке хлеба¹⁵. О соблюдении хронологии событий советские авторы не заботились. А порой, видимо, попросту не знали ее. Помимо того, что поездка мифического эмиссара происходила за четыре месяца до прихода А.В. Колчака к власти в Омске, командование Чехословацкого корпуса в это время находилось далеко от Архангельска.

Среди причастных к делу были упомянуты также Николай Реут – крупный смоленский помещик, якобы снабжавший организацию средствами через иностранные банки, – и Николай Энгельгардт, тоже крупный помещик, будто бы финансировавший организацию и хранивший в своем имении оружие, взрывчатку и боеприпасы для организации. О Ждановиче писали, что он якобы был участником еврейских погромов 1907–1908 гг. в Белоруссии, переправлял польских добровольцев к Ю. Пилсудскому и содержал в Смоленске конспиративную квартиру. А Владимир Возненко в советском изложении из мелкого больничного служащего превратился в

полковника старой армии, вербовавшего добровольцев на территории Белоруссии. Причастным к делу был объявлен и помещик В. Таранковский (Тарновский), в имении которого в Поречском уезде нашли некий список лиц, стоявших на платформе защиты Временного правительства с именами крупных помещиков и капиталистов, финансировавших подпольную организацию. А также врач Борис Захарович Танцов – монархист, издававший в Смоленске в 1907–1910 гг. черносотенную газету. Вина врача заключалась в том, что заговорщики планировали назначить его после прихода к власти на руководящий пост¹⁶. На самом же деле Танцов был арестован 25 августа 1918 г. в центре Смоленска, в саду Блонье, по совершенно иной причине: за непризнание слова «товарищ»¹⁷.

Среди арестованных 27 августа 1918 г. перечислялись бывшие офицеры Михаил Васильевич Заичко, Петр Алексеевич Селянинов, Борис Иванович Огурецкий, Сергей Николаевич Крутиков¹⁸ (последний на самом деле был солдатом¹⁹).

Вообще, детали «заговора», состав «заговорщиков» и их «личный вклад в дело контрреволюции» в различных советских изданиях варьировались. Скажем, Д.Л. Голиков, автор наиболее полного советского труда о борьбе ЧК с контрреволюционным подпольем, утверждал, что организация Дормана была раскрыта после ликвидации контрреволюционной помещичьей группы Тарновского, а та, в свою очередь, ликвидирована после обнаружения в мае–июне 1918 г. писем у одного бывшего офицера, связанного с поречскими помещиками. Непосредственно на организацию чекисты, по его версии, вышли, проверяя контакты нотариуса Ильинского²⁰. Всего же по делу «дорманцев», по подсчетам советских авторов, прошло около 2 000 человек²¹.

Относительно раскрытия «смоленского филиала» утверждалось также, что Захаров и Антоневиц были причастны к антисоветским беспорядкам в Смоленске 2 мая 1918 г. Чекисты якобы получили документы о существовании крупной контрреволюционной организации и о том, что нити заговора ведут в штаб Западного участка отрядов Завесы. Его военспецы были взяты под наблюдение. По этой версии, к июню 1918 г. был собран материал на всех «главарей» организации. Также утверждалось, что Захаров находился под арестом с мая 1918 г. (по документам его дела, он оставался на свободе вплоть до начала сентября). Не соответствует действительности и указание на арест Антоневица, Ждановича и Лятковского задолго до сентябрьских событий²².

В литературе утверждалось, что сам генерал Дорман и все остальные лица были арестованы якобы в ночь на 12 июня 1918 г. По этой версии, поводом к аресту стал донос, сделанный 10 июня бывшим поручиком 22-летним Виктором Фен-Раевским, которого заговорщики считали про-

вокатором. Он якобы сообщил о заговоре первому председателю ЧК Западной области Виктору Ивановичу Яркину, выдав имена 52-х заговорщиков, включая генерала Дормана, епископа Вяземского, vicария Смоленской епархии Макария (М.В. Гневушева), гомельского помещика Паскевича, членов Белорусского народного секретариата И. Макреева, И.Н. Середы, К.Б. Езовитова, И.Я. Воронко и других (упомянул он даже генерала И.Р. Довбор-Мусницкого). Оружие и снаряжение якобы целыми вагонами (утверждалось, что найдено 150 ящиков маузеров, 750 австрийских карабинов, 25 ящиков английских гранат, много патронов и разобранный автомобиль) по литерам штаба западной Завесы свозилось и складировалось в имении Энгельгардта в Духовщинском уезде²³.

Также, по различным советским версиям, заговорщики имели связи с границей, с вождями всероссийской контрреволюции, действовали по директивам Рады Белорусской народной республики и Пилсудского. У Дормана якобы нашли телеграмму руководства Рады кайзеру Вильгельму и составленный в апреле 1918 г. план борьбы за освобождение Белоруссии и прилегающих территорий до Вязьмы, предусматривавший создание армии по воинскому уставу польского государства, тогда еще не существовавшего. Кроме того, утверждалось, что заговорщики заранее распределили должности после захвата власти: диктатором должен был стать генерал Дорман, начальником главного штаба – Антоневиц, минским генерал-губернатором – Василий Сорокин (в прошлом – генерал-лейтенант, начальник Виленского губернского жандармского управления), смоленским генерал-губернатором намечался бывший смоленский полицеймейстер Владимир Карлович Гепнер (арестован 9 сентября 1918 г.), а полицеймейстером – бывший пристав Василий Кузьмич Гладышев (арестован 14 сентября 1918 г.)²⁴.

Эта версия является полнейшим вымыслом, ибо генерал Дорман и другие лица, проходившие по этому делу, были арестованы лишь в сентябре 1918 г., после объявления красного террора. Характерно, что ни в списках генералов по старшинству, ни в списке чинов Отдельного корпуса жандармов генерала Сорокина обнаружить не удалось²⁵. Дорман не состоял на военной службе у большевиков, однако советским авторам очень хотелось изобразить его ответственным военным работником – начальником штаба западной Завесы²⁶ или Смоленского района Завесы²⁷ (на самом деле должность начальника штаба Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны занимал А.Н. де Лазари). Зато эта версия позволяла списать на «контрреволюционную организацию Дормана» множество антибольшевистских выступлений на территории Западной области (например, восстание 14 июля 1918 г. в городе Белом, якобы организованное полковником Велингом и Алексеем Бойковым по приказанию епископа Макария).

В архивно-следственном деле генерала Дормана, сохранившемся в архиве УФСБ по Смоленской области, подшиты адресные листки людей, носивших фамилию Дорман²⁸. Вероятно, чекисты поначалу не знали точно, какого именно Дормана они ищут, либо выявляли родственников. Имеются такие листки и на генерала с его супругой. При аресте у него изъяли 3 431 руб. 50 коп.²⁹, тогда же или перед расстрелом было изъято и золотое кольцо с бриллиантом³⁰.

Помимо генерала Дормана, враждебность которого в глазах чекистов предопределялась самим его чином и немецкой фамилией (генералы-немцы нередко воспринимались как заведомые контрреволюционеры и монархисты), наиболее «враждебным Советской власти» из всех арестованных они должны были посчитать Ждановича, члена партии кадетов и участника IX съезда партии, проходившего в июле 1917 г.³¹

В качестве соучастника был арестован сын генерала Владимир Дорман – 15-летний гимназист, родившийся в январе 1903 г. В 1918 г. он перешел из 4-го в 5-й класс Смоленской общественной гимназии³².

9 сентября супруга генерала, Лидия Александровна, попыталась воззвать к здравому рассудку смоленских чекистов, написав в ходатайстве об освобождении сына, что он «слишком молод и при его летах не может иметь никаких политических взглядов»³³.

11 сентября она обратилась в облисполком Западной области (в структурное подразделение, формально контролировавшее работу ЧК) с заявлением: «Имея сведения о том, что сын мой, Владимир Дорман, арестован по недоразумению, так как предполагают, что он старше, чем на самом деле, прошу обратить особенное внимание на его метрическое свидетельство и на заявление [Здесь и далее подчеркнуто красными чернилами, документ написан синими. – А.Г.] Директора Обществ[енной] Гимназии, г[осподи]на Коростелева. Эти документы поданы мною вчера товар[ищу] Аскольдову [Аскольдов Яков Лазаревич (1893–1937) в 1918 г. занимал один из руководящих постов в ЧК Западной области. – А.Г.]. Умоляю сделать все возможное для его скорейшего освобождения и возвращения ребенка в семью. Лидия Дорман. Смоленск. 11 сент. 1918 г.»³⁴.

Не найдя справедливости в Смоленске, жена Дормана отправилась искать помощи в Москву.

Смоленскую общественность, непривычную к произволу властей и взятию заложников, всколыхнули несправедливые аресты многих известных в городе людей. Общее собрание рабочих и служащих 1-го кирпичного завода 7 сентября заявило, что бывший заведующий Яцевич не виновен³⁵. С похожими заявлениями в защиту учителя Михайлова выступили

педагогический совет Смоленской общественной гимназии и собрание педагогов всех средних учебных заведений Смоленска. Они указывали, что Михайлов – честный и добросовестный работник³⁶. За Кордо-Сысоева вступился профсоюз железнодорожников³⁷.

Массовые аресты в Смоленске вызывали обеспокоенные вопросы в Москве. Особенно среди бывших офицеров-генштабистов, поступивших на службу в Красную армию.

Так, разобраться в происходящем в Смоленске попыталось руководство штаба Реввоенсовета Республики. В итоге состоялся следующий разговор по прямому проводу (точная дата его неизвестна, но не позже 10 сентября).

«[Из Смоленска:] У аппарата комиссар Алибеков [И.Я. Алибегов. – А.Г.].

[Из Москвы:] Здравствуйте, у аппарата комиссар Шарманов и начальник штаба Раттэль. Будьте добры сообщить о характере последних событий в Смоленске в связи с массовыми [арестами].

[Из Смоленска:] Здравствуйте, товарищи, [в] последнее время в связи с обнаружением целых организаций, имеющих план, систематический план [со] свержением Советской власти, обнаружено Чрезвычайной комиссией чрез посредство члена же этих организаций масса участников, в связи с чем произошли массовые аресты. Чрезвычайная комиссия, членом которой я состою, по обсуждении вопроса об арестованных вынесет окончательное суждение о них на основании собранных следствием данных. Нужно полагать, что невинных жертв не будет. Все. Без всякого снисхождения, конечно, но с возможной полнотой обстоятельности. Я понимаю, что миловать теперь – время не подходящее, но чтобы не давать нашим врагам права обвинять нас в невнимательном отношении к такому серьезному делу, которое лежит на чрезвычайных комиссиях, согласен, что нужна тщательность.

[Из Москвы:] Здесь как раз находится у нас в приемной жена Дормана, которая просит произвести у нее в доме обыск, которого как следует не сделали и кроме того умоляет установить личность ее сына, 15-летнего, которого будто бы приняли за поручика. Что вы можете сказать по этому поводу?

[Из Смоленска:] Повторяю, речь идет не о снисхождении. По имеющимся у меня пока сведениям, Дорман причастен к этой организации, [в] какой предполагался он диктатором военной власти [в] момент свержения облискомзапа. Дело будет разбираться и все возможное [в] пределах законности будет сделано. Ваш разговор передам в Чрезвычайную комиссию.

[Из Москвы:] Дело в том, что последнее время нам очень надоедают семьи арестованных, в особенности сегодня был целый ряд подобных просьб о том, чтобы следствие производилось с возможной тщательнос-

тью. Жена Дормана сказала, что вы дали ей пропуск в Москву с тем, чтобы она обратилась к нам. Думаю, что с нашей стороны никаких советов по вашему адресу быть не может. Что касается Дормана, то это было сказано ввиду того, что его жена уверяла, что приехала по вашему совету, верно ли это?

[Из Смоленска:] Я в приеме всех господ, подобных Дорману, очень корректен и деликатен. Когда они ко мне направляются как к спасителю якобы невиновных, то я им отвечаю, что все возможное сделаю, если не виноваты, будут освобождены. Жена же Дормана бомбардировала меня сперва насчет сына, будто бы о муже она не беспокоится, потом, когда узнала, что ищут поручика, стала настаивать об освобождении мужа ввиду его невиновности и начала указывать, что его знает Бонч-Бруевич, Свечин и др., от которых она может привезти всевозможные сведения. Я ей сказал, что это ваше дело отправиться [в] Москву, в Высший совет я ее не посылал.

Вечером она просила пропуск, но пропуска я не имею права давать, но из любезности перед женщиной я просил военного представителя станции помочь ей отправиться [в] Москву, если это возможно. Думаю, [в] этом плохого ничего нет.

[Из Москвы:] Конечно, товарищ, ничего плохого, но ведь эти дамы ссылаются к месту и не к месту на наши имена, поэтому [в] будущем придется их не принимать, о чем я и распоряжусь по отношению к нашему учреждению завтрашнего дня. Думаю, что ни я, ни вы особой ошибки не сделали поговорить на этот счет. Извиняюсь за беспокойство и желаю всего хорошего.

[Из Смоленска:] Я очень рад беспокоиться для товарищей из центра»³⁸.

* * *

В «деле Дормана», с резолюцией о приобщении материалов «к делу», имеются в нескольких экземплярах разрозненные документы сформированной в Киеве Южной армии, датированные августом 1918 г.: программа союза «Наша Родина» и приказы по главному бюро Южной армии в Киеве. Как эти материалы оказались у смоленских чекистов, неизвестно. Можно только предполагать, что они были обнаружены у кого-то из арестованных или же присланы из центра, так как сведений об этом в деле не имеется. Никто из арестованных в этих документах не упомянут, как нет в них упоминаний о Смоленске или Западной области, вообще в них нет никакой реальной связи «делом Дормана». Скорее всего, эти документы попали к чекистам случайно. Однако они сыграли роковую роль в судьбе генерала Дормана и всех «дорманцев»: именно они были использованы

смоленскими чекистами для фабрикация дела о раскрытии несуществующего заговора.

В программном документе «Южная армия» охарактеризованы ее цели и структура. Основной задачей указана борьба с большевиками, причем во главе ее корпуса должен был стать генерал, находившийся во власти большевиков (возможно, именно эти слова были использованы как основание для подозрений в адрес Дормана). Имена двух кандидатов в освободители от большевизма были зашифрованы цифровым кодом (5327135721805496 и 5243337738996114385454). «Известия» в октябре 1918 г. писали по этому поводу: «Любопытно было бы узнать скрытую под шифром фамилию генерала. Как известно, украинские монархисты тратили громадные суммы денег на освобождение одного известного генерала, арестованного на западной границе»³⁹. Таким образом, прямых указаний на то, что речь шла о Дормане, даже после ликвидации «заговора» не появилось.

В документе объявлялось о создании, в целях восстановления монархии, союза «Наша Родина», начальником штаба которого стал бывший командир XXIII армейского корпуса Генштаба генерал-лейтенант К.К. Шильдбах-Литовцев. На театре военных действий должен был находиться начальник 1-й дивизии генерал В.В. Семенов. Представители Южной армии работали, судя по документам, в основном, на Украине. Кроме того, представитель армии, полковник Бучинский, работал в оккупированном немцами Пскове⁴⁰, а представителем в оккупированном Могилеве и окрестностях был полковник Зубржицкий. Никаких указаний на связь с ними кого-то из смоленских арестантов-заложников в деле нет.

Помощник коменданта штаба Военного совета Западного участка отрядов Завесы и Смоленского района обороны Захаров по служебным делам ездил в Москву, по должности имел право на ношение холодного и огнестрельного оружия, как и на свободное перемещение по Смоленску в любое время⁴¹. В его деле отложилась записка с телефоном канцелярии начальника Всероссийского главного штаба А.А. Свечина⁴².

Некоторые арестанты едва ли могли участвовать в какой-либо нелегальной деятельности по причине плохого здоровья. Так, учитель Михайлов страдал склерозом (в других документах – неврозом) сердца и туберкулезом. Сам генерал Дорман из-за своих многочисленных недугов совершенно не был в состоянии руководить каким-либо заговором.

В ходатайстве от 10 сентября Лидия Александровна писала: «В феврале месяце муж вышел в отставку по сильно расшатанному здоровью – физическому и нервному. В бумаге об отставке указано, что он без посторонней помощи обходиться не может.

Такой сестрой милосердия неотлучно была при нем я, его жена. Без моего ведома он никуда не уезжал, ни с кем не виделся, никому не писал.

На основании этого я убедительно прошу, чтобы меня допросили самым строжайшим образом»⁴³.

Дочь генерала Зинаида 13 сентября просила за отца, обращая внимание чекистов на наличие у него тяжелой желудочной болезни, ходатайствовала о переводе отца в тюремную больницу и просила разрешения приносить ему из дома горячую пищу⁴⁴.

Ходатайства жены и дочери возымели действие, и на обращение от 13 сентября была наложена резолюция о переводе генерала в железнодорожную больницу и содержании его там под охраной⁴⁵. Однако участи генерала это не смягчило.

Несмотря на аресты множества людей, в деле не содержится ни одного протокола допросов. Нет в нем ни одного документа, подтверждающего или хотя бы косвенно указывающего на участие арестованных в заговоре. Никому из них не было предъявлено обвинений. Большую часть дела занимают принадлежавшие арестованным дореволюционные финансовые и хозяйственные документы, к событиям 1918 г. отношения не имеющие, но, видимо, послужившие подтверждением принадлежности арестованных к числу «крупных представителей буржуазии».

Тем не менее, на 3-м областном съезде Советов Западной области 13 сентября 1918 г. председатель ЧК Западной области В.И. Яркин отразил о раскрытии «опаснейшего заговора»⁴⁶.

* * *

17 сентября на заседании ЧК Западной области участь арестованных «дорманцев», превращенных усилиями чекистов из заложников в «заговорщиков», была решена. Председательствовал один из инициаторов этого превращения и фабрикация дела, руководитель смоленских чекистов Яркин. На заседании в качестве членов ЧК присутствовали Я.Л. Аскольдов, заместитель председателя Северо-Западного областного комитета РКП(б) И.Я. Алибегов, И.И. Рейнгольд, Д.М. Гуревич, Козопольский, Попов, а также секретарь А. Варнилов.

Чекисты руководствовались прежде всего политической целесообразностью и, как тогда говорили, революционной совестью. Эта «целесообразность» учитывала как общероссийские, так и местные реалии разгоравшейся Гражданской войны. Приговоры выносились, как правило, в двух вариантах – расстрелять или освободить. При вынесении приговоров учитывалось главным образом социальное происхождение и служебное положение арестованных.

Захаров как активный участник заговора «дорманцев» был приговорен к расстрелу⁴⁷. Популярный в городе учитель Михайлов был освобожден ввиду того, что не участвовал в заговоре, а «при царизме выступал против реакции и антисемитизма»⁴⁸. Реут и Энгельгардт как крупные помещики Смоленской губернии и участники заговора «дорманцев» были приговорены к расстрелу⁴⁹. Банкир Шварц был освобожден якобы за неимением улик⁵⁰ (какие имелись улики против приговоренных к расстрелу, осталось загадкой). Освобожден был и Яцевич⁵¹. Борис Урядов как член боевой организации был приговорен к расстрелу⁵². Расстрелять постановили и Ждановича как кадета и заговорщика, снабжавшего штаб крупными суммами⁵³. Братьев Возненко и Фен-Раевского также приговорили к расстрелу⁵⁴. Сын генерала Дормана Владимир был освобожден за малолетством⁵⁵.

Самого же генерала обвинили в контрреволюционном заговоре с целью установления военной диктатуры и постановили расстрелять.⁵⁶

У генерала Дормана остались пятеро детей. Старшей дочери, Ольге, был 21 год, а младшей, Елене, – 12.

В советской литературе утверждалось, что постановление ЧК было приведено в исполнение в тот же день⁵⁷. Документы на этот счет в архивно-следственном деле отсутствуют. Всего было расстреляно 42 человека⁵⁸.

В постсоветские времена, в 1993 г., «заговорщики» были признаны невиновными и реабилитированы посмертно.

* * *

В общей сложности в 1918 г. смоленские чекисты репрессировали по политическим причинам (ныне реабилитированных) 301 человека, из которых 85 было приговорено к расстрелу, 73 направлены на общественные работы, 47 оштрафовано, 17 выслано, а в 53 случаях дела прекращены⁵⁹.

Для сравнения: в 1919 г. был репрессирован по тем же причинам 181 человек, из которых 15 приговорены к расстрелу. В 1920 г. – репрессировано еще меньше: 124 человека, из них 3-х приговорили к расстрелу. В 1921 г. – 157 человек, причем расстрельных приговоров не было вообще, в 1922 г. – 12 человек, расстрельных приговоров также не было⁶⁰.

Таким образом, год 1918-й, когда и развернулись репрессии по «делу Дормана», стал наиболее кровавым годом объявленного красного террора на Смоленщине за весь период Гражданской войны. На этот год пришлось 39 % политических репрессий на Смоленщине, проводимых ЧК в 1918-1922 гг., и 82,5 % расстрельных приговоров. Репрессивными полномочиями обладал и Смоленский революционный трибунал, но в 1918-1922 гг. по политическим мотивам он репрессировал всего 15 человек, причем

без расстрельных приговоров, в основном же, боролся с уголовной преступностью.

* * *

«Дело Дормана» представляется целиком сфабрикованным, так как доказательств существования заговора в документах архивно-следственного дела не обнаружено. Между тем, по делу были арестованы и расстреляны десятки невинных людей. Авторы фабрикации не утруждали себя сбором доказательств и выстраиванием логичной версии заговора. В этом суровая реальность Гражданской войны, беспощадного красного террора.

Военное руководство не вступилось за Дормана, не служившего в РККА, хотя специалисты Генерального штаба Советской России были жизненно необходимы, а вопрос о Дормане обсуждался на высоком уровне в Москве. Следует признать, что особое отношение большевиков к генштабистам не давало никаких гарантий защиты последних от произвола ЧК на местах. Впрочем, не защищало оно бывших офицеров и от произвола в центре.

Самый важный и сложный вопрос: каковы были причины и цели фабрикации «заговора» смоленскими чекистами? Думается, они действовали на упреждение и явно хотели отчитаться перед Москвой раскрытием крупного дела. Не иначе как «классовое чутье», стремление поставить ЧК выше всех советских учреждений и упрочить собственное руководящее положение в Западной области надумили их: крупная контрреволюционная организация должна быть вымышлена, а затем стремительно и эффективно «разоблачена». Одновременно наносился удар по потенциальным противникам большевистской власти: бывшим офицерам, землевладельцам, интеллигенции. Это была, помимо прочего, и акция устрашения. Смоленские обыватели оказались напуганы. Едва ли кто-то из них после этого мог думать о сколачивании реальных антисоветских заговоров. Идея превентивного террора вполне объясняет произвол ЧК в годы Гражданской войны.

По итогам разоблачения «организации» Дормана местное чекистское начальство успешно отчиталось перед руководством ВЧК о проделанной работе. Большевистское руководство, в свою очередь, получило еще один довод в пользу надежности и эффективности недавно созданного «карающего меча революции». На фоне бурного партийного обсуждения роли и полномочий ЧК осенью 1918 г. подобные аргументы были не лишними. Видимо, не случайно сфабриковавший дело чекист Яркин вскоре был поощрен избранием заместителем председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского на 2-й Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий в

ноябре 1918 г., а затем и вовсе пошел на повышение, став в самом конце 1918 г. председателем Белорусской ЧК. Наконец, материалы о «разоблачении контрреволюционеров» в Смоленске были опубликованы в центральной печати – в «Известиях ВЦИК»⁶¹ и в «Еженедельнике ВЧК» в октябре 1918 г.⁶² что, несомненно, имело пропагандистское значение.

Упреждающие репрессии и провокации практиковались с первых лет существования ВЧК. «Дело Дормана» было лишь звеном в цепи этих событий. Такие меры не имели под собой строгих юридических оснований, но с точки зрения «революционной целесообразности» проще и разумнее было заранее расстрелять потенциальных врагов, чем ждать, когда они организуют реальный заговор. Со временем очевидным стало и то, что развитие заговоров проще контролировать, если во главе подпольных организаций поставить агентов ЧК. Потому-то современным исследователям порой нелегко определить, идет ли речь о подлинной антибольшевистской подпольной организации или об организованной чекистами изощренной ловушке для наивных антибольшевиков.

Примечания

¹ Хацкевич А.Ф. Солдат великих боев: Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Минск, 1982. С. 261.

Khatskevich A.F. Soldat velikikh boev: Zhizn i deyatelnost F.E. Dzerzhinskogo. Minsk, 1982. P. 261.

² Комиссаров А. Революция защищается! // Продолжение подвига: Книга о смоленских чекистах. Смоленск, 1988. С. 43.

Komissarov A. Revolyutsiya zashchishchaetsya! // Prodolzhenie podviga: Kniga o smolenskikh chekistakh. Smolensk, 1988. P. 43.

³ Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 116.

Sofinov P.G. Ocherki istorii Vserossiyskoy Chrezvychaynoy komissii (1917–1922 gg.). Moscow, 1960. P. 116.

⁴ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 281.

Volkov S.V. Tragediya russkogo ofitserstva. Moscow, 2001. P. 281.

⁵ Илькевич Н. Расстреляны за заговор, которого не было (Еще раз о деле генерала М. Дормана, 1918 год) // Край Смоленский. 1993. № 7-8. С. 26–53.

Ilkevich N. Rasstrelyany za zagovor, kotorogo ne bylo (Eshche raz o dele generala M. Dormana, 1918 god) // Kray Smolenskiy. 1993. No. 7-8. P. 26–53.

⁶ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 65.
Smolensk Oblast Department of Federal Security Service of Russian Federation Archives (ASOD FSB). D. 26958. L. 65.

⁷ Там же. Л. 75.

Ibidem. L. 75.

⁸ Там же. Л. 69.

Ibidem. L. 69.

⁹ Там же. Л. 82.

Ibidem. L. 82.

¹⁰ Там же. Л. 81.

Ibidem. L. 81.

¹¹ История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 2. М., 2004. С. 523.

История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Vol. 2. Moscow, 2004. P. 523.

¹² Илькевич Н. Указ. соч. С. 28.

Илькевич Н. Ор. cit. P. 28.

¹³ Почанин С.З. Историей обреченные. Минск, 1977. С. 237, 244; Трофимов А. Защищая Советскую власть // Политическая информация: Журнал отдела пропаганды и агитации смоленского обкома КПСС. 1987. № 15. С. 19.

Rochanin S.Z. Istoriey obrechennye. Minsk, 1977. P. 237, 244; Trofimov A. Zashchishchaya Sovetskuyu vlast // Politicheskaya informatsiya: Zhurnal otдела propagandy i agitatsii smolenskogo obkoma KPSS. 1987. No. 15. P. 19.

¹⁴ Илькевич Н. Указ. соч. С. 46.

Илькевич Н. Ор. cit. P. 46.

¹⁵ Почанин С.З. Указ. соч. С. 244, 245, 248; Трофимов А. Указ. соч. С. 21–22.

Rochanin S.Z. Ор. cit. P. 244, 245, 248; Trofimov A. Ор. cit. P. 21–22.

¹⁶ Почанин С.З. Указ. соч. С. 245; Трофимов А. Указ. соч. С. 22; Комиссаров А. Указ. соч. С. 43.

Rochanin S.Z. Ор. cit. P. 245; Trofimov A. Ор. cit. P. 22; Komissarov A. Ор. cit. P. 43.

¹⁷ Илькевич Н. Указ. соч. С. 51.

Илькевич Н. Ор. cit. P. 51.

¹⁸ Почанин С.З. Указ. соч. С. 244–245.

Rochanin S.Z. Ор. cit. P. 244–245.

¹⁹ Илькевич Н. Указ. соч. С. 49.

Илькевич Н. Ор. cit. P. 49.

²⁰ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1980. С. 141–142.

Golinkov D.L. Krushenie antisovetskogo podpolya v SSSR. Book 1. Moscow, 1980. P. 141–142.

²¹ Трофимов А. Указ. соч. С. 22.

Trofimov A. Ор. cit. P. 22.

²² Почанин С.З. Указ. соч. С. 239.

Rochanin S.Z. Ор. cit. P. 239.

²³ Там же. С. 243, 249.

Ibidem. P. 243, 249.

²⁴ Почанин С.З. Указ. соч. С. 244, 247.

Rochanin S.Z. Ор. cit. P. 244, 247.

²⁵ Список генералам по старшинству: Исправлен по 10-е июля 1916 г. Пг., 1916; Список общего состава чинов отдельного корпуса жандармов: Исправлен по 1 июля 1915 г. Пг., 1915.

Spisok generalam po starshinstvu: Ispravlen po 10-e iyulya 1916 g. Petrograd, 1916; Spisok obshchego sostava chinov ot delnogo korpusa zhandarmov. Ispravlen po 1 iyulya 1915 g. Petrograd, 1915.

²⁶ Почанин С.З. Указ. соч. С. 247.

Rochanin S.Z. Ор. cit. P. 247.

²⁷ Трофимов А. Указ. соч. С. 17.

Trofimov A. Ор. cit. P. 17.

²⁸ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 49, 50, 52, 53, 54, 56, 58. ASOD FSB. D. 26958. L. 49, 50, 52, 53, 54, 56, 58.

²⁹ Там же. Л. 1.

Ibidem. L. 1.

³⁰ Илькевич Н. Указ. соч. С. 52.

Илькевич Н. Ор. cit. P. 52.

³¹ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 31. ASOD FSB. D. 26958. L. 31.

³² Там же. Л. 30.

Ibidem. L. 30.

³³ Там же. Л. 28.

Ibidem. L. 28.

³⁴ Там же. Л. 26.

Ibidem. L. 26.

³⁵ Там же. Л. 8.

Ibidem. L. 8.

³⁶ Там же. Л. 16, 19.

Ibidem. L. 16, 19.

³⁷ Там же. Л. 43.

Ibidem. L. 43.

³⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 126–129. Russian State Military Archives (RGVA). F. 3. Op. 1. D. 92. L. 126–129.

³⁹ Известия ВЦИК. 1918. 29 окт. С. 5.

Izvestiya VTsIK. 1918. Oct. 29. P. 5.

⁴⁰ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 112об. ASOD FSB. D. 26958. L. 112v.

⁴¹ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26792. Л. 14, 15. ASOD FSB. D. 26792. L. 14, 15.

⁴² Там же. Л. 12.

Ibidem. L. 12.

⁴³ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 80. ASOD FSB. D. 26958. L. 80.

⁴⁴ Там же. Л. 77.

Ibidem. L. 77.

⁴⁵ Там же. Л. 78.

Ibidem. L. 78.

⁴⁶ Илькевич Н. Указ. соч. С. 31, 35.

Илькевич Н. Ор. cit. P. 31, 35.

⁴⁷ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26792. Л. 16. ASOD FSB. D. 26792. L. 16.

⁴⁸ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 26958. Л. 528. ASOD FSB. D. 26958. L. 528.

⁴⁹ Там же. Л. 529.

Ibidem. L. 529.

⁵⁰ Там же. Л. 531.

Ibidem. L. 531.

⁵¹ Там же. Л. 530.

Ibidem. L. 530.

⁵² Там же. Л. 532.

Ibidem. L. 532.

⁵³ Там же. Л. 533.

Ibidem. L. 533.

⁵⁴ Там же. Л. 534.

Ibidem. L. 534.

⁵⁵ Там же. Л. 535.

- Ibidem. L. 535.
- ⁵⁶ Там же. Л. 536.
- Ibidem. L. 536.
- ⁵⁷ *Почанин С.З.* Указ. соч. С. 254.
- Pochanin S.Z.* Op. cit. P. 254.
- ⁵⁸ ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. Жуковский; М., 2004. С. 226–229.
VChK upolnomochena soobshchit... 1918 g. Zhukovskiy; Moscow, 2004. P. 226–229.
- ⁵⁹ *Кодин Е.В.* Репрессированная российская провинция: Смоленщина, 1917–1953 гг. М., 2011. С. 43.
- Kodin E.V.* Repressirovannaya rossiyskaya provintsiya: Smolenshchina, 1917–1953 gg. Moscow, 2011. P. 43.
- ⁶⁰ Там же. С. 44–48.
- Ibidem. P. 44–48.
- ⁶¹ Известия ВЦИК. 1918. 29 окт. С. 5.
Izvestiya VTsIK. 1918. Oct. 29. P. 5.
- ⁶² ВЧК уполномочена сообщить... С. 226–229, 244–246.
VChK upolnomochena soobshchit... P. 226–229, 244–246.